

Формаслов

Москва

2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А82

А82

Арканина Анна
Зреет яблоко / А. Арканина. – М.: Формаслов, 2022. – 148 с.

ISBN 978-5-6047566-1-4

Новая книга Анны Арканиной густо населена: в ее стихах тают в полете птицы, лето говорит на стрекозьем фарси, а снег идет войной на маленького человека. Поэт погружен в пространство звуков и переключку снов, подмечает в обыденном необычное: как в большом дожде цветет глухонемая сирень, как темнеет ночь в прожилках вечности. Ее лирическая героиня чувствует себя покинутой и одинокой, но находит силы для радости – ищет спасение, как многие из нас, в обаянии мелочей, собирает личное чудо из простых деталей окружающего мира. Этот сборник стихов – как острый крючок любви: не может не зацепить читателя.

ISBN 978-5-6047566-1-4

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

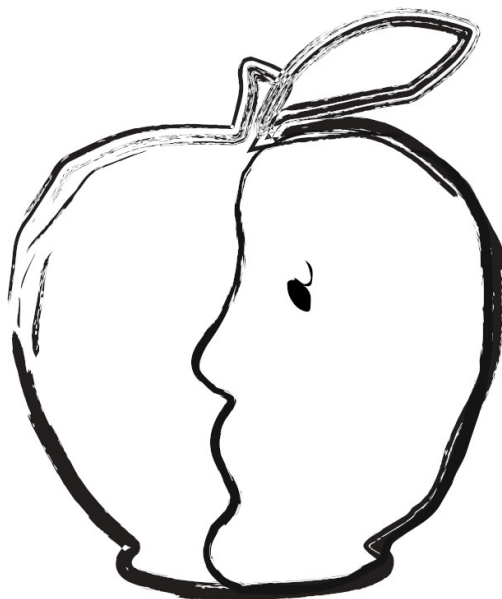

© А. Арканина, текст, 2022
© С. Овакимян, дизайн обложки, 2022
© Формаслов, 2022

Анна Арканова

Зреет яблоко

Коробочка с рыдсани

...А если что и случится с нами
в копилке жизни — в коробочке с чудесами,
то это будет всего лишь время —
сыпучее, легковесное, древнее.
Смотрит на время собака с велюровыми ушами:
оно течёт, ничего ему не мешает.
Будь что будет, — думает кот, говорит Бог.
Нет времени, понимает собака.
Один песок.

Мой мир от белого был слеп,
как будто новый лист альбомный.
Шёл за окном бессрочный снег,
его я помню.

Стыл почты синий козырёк,
фонарь выхватывал идущих,
а снег обрушивался, тёк,
был безусловным, вездесущим.

Был день, и белые коньки,
и двор метелями освистан.
Птиц беспокойных угольки
и батареи бок ребристый.

На свежем инее в окне
продавлен тёплый след ладошек.

...Я там была, был мир во мне,
чай байховый, сервиз в горошек.

Время такое — стоишь на ветру,
мимо и горе, и радость.
Котик учёный, скажи дураку —
облако, сон или старость?

Выдохнешь слово — несёшь чепуху —
буквы на тоненьких ножках.
Котик учёный, что там, наверху,
на разноцветных обложках?

Что ты там видишь, роняя слезу,
солнечный миг рыжехвостый?
Падают звёзды — звезда на звезду —
в тень безучастной берёзы.

Скрипнет на лестнице тёмная мгла —
древняя, в общем, музыка.
Осень сберечь никого не смогла,
ты не в ответе, мурлыка.

Бормотание трамвайное

твердь ледяная картонные дни
было бы облако где мы одни
бледные жалкие произрастаем
и засыпаем в ладонях трамвайных
в хрипло урчащем его животе
на неизвестной звучим частоте
пробуем слов колокольцы литые
кто мы такие звенит кто такие
чудится разное тим-тирли-бом
в холод стекла упираемся лбом
слившись с пейзажем по-зимнему млечным
едем о важном тоскуем о вечном

В этой осени тихой — в карманах пустующей улицы,
где с любой стороны так удобно пробраться тоске, —
дайте света, включите мне свет, чтоб от света зажмуриться
(как пластинку заело — три раза сказала про свет).

Чтобы только взмахну рукавом — и стихи мои белые
полетели, как стайка подросших за лето гусят.
Вот я сяду скучать под раскидистым мокнущим деревом,
а они в тонком небе гогочут и дальше летят.

Чтоб любимый меня обнимал и про счастье загадывал,
пусть по телу от крепких объятий — и нега, и дрожь...
А на улице, шаркая ножкой, резвился и падал бы
в лёгкой куртке распахнутой юный, отчаянный дождь.

Приходит волк

Ещё бы свет... Но сумерки — хоть вой.
Приходит волк в тебя, и вот он твой:
от лап когтистых до опушки снега,
до лунного мерцающего следа
над серой непокрытой головой.

И укусил бы за нос, за бочок.
Но пальцы жжёт немеркнувший бычок...
За всех живущих, плачущих, поющих,
за нас с тобой, за то, чтоб стало лучше,
гнусаво воет внутренний волчок.

Идёт на снег, и снег идёт войной.
Ну что ж ты ноешь, маленький, не ной.
Во всём такая царственная бледность.
И день иной, и век, и неизвестность,
и вечность над зубастой головой...
Мой непроглядный, сумеречный мой.

Мимо сердца

Сумерки качнулись и погасли,
вспыхнул свет на кончике ножа.
До чего же птицы не напрасны,
небо научившие дышать.

Снег внутри пошёл, и стало зябко,
настоящий тощий первый снег.
Мимо сердца — сразу под лопаткой —
лёд не лёд, во сне ли, не во сне.

Осень начиналась сразу всюду:
в голове, в распахнутом окне.
Обходила яблоня по кругу
сад и пропадала в глубине.

Тишины звенящей было вдоволь.
Только долговязый вдалеке
говорил, не умолкая, тополь
на вороньем страшном языке.

Если мы ходим и ходим по кругу,
значит кому-нибудь это нужно.
В шаге от смерти, в двух — друг от друга.
Вот и тропинка становится уже.

Звуков пространство и снов перекличка —
наспех наш мир из трагедий слеплен.
В городе тонких следов синичьих,
в городе зимних остывших сплетен

ходим по кругу почти по привычке.
Будто случайно. Скорей по ошибке.
Только в душе — в коробочке спичечном —
плещет, искрясь, золотая рыбка.

Строчки дерева

Полине

только привыкнешь к жизни и снова снова
бьётся печальная рыба в гортани слово
лишь на минуту во двор с сигаретой выйдем
поговорить с тобой на волшебном рыбьем

строчки дерева и снова подлесок строчки
курим молчим любимся между прочим
виден оставленный ангела снежный след
как на картине ангел и белый свет

долго стоим в сторонке грохочет время
птицы теснятся в небе летят к деревьям
всё что вмещает бездны тугой зрачок
рыба печальная острый любви крючок

Натюрморт

тушка вороны послушной
белая скатерть стола
странно а где же здесь кружка
та из которой пила

нож на столе серебрится
яблоко облако лист
страха пустые глазницы
из-под взлетевших ресниц

сон или явь на картине
лучше бы это был сон
чай никогда не остынет
кружка найдётся потом

месяца тонкая стружка
шире держите карман
будут весна и веснушки
были печаль и обман

всё на картине некстати
ракурс подробности вид
лёгкая снежная скатерть
дунешь она улетит

Полуночное

Громкие птицы кружат надо мной —
не различить их лица,
будто черны они той чернотой,
что мне ночами снится.

Будто макушка моя им — сад:
яблоня, вишня, груша.
Им до утра мои сны листать,
щебет полночный слушать.

Спит о своём беспокойный сад,
руки разлук пугливы.
Облаки держатся в небесах,
падают наземь сливы.

Птицы тревожатся обо мне —
хватит на век заботы.
Тот, кто за мной приходил во сне,
не говори им, кто ты.

Осенний суп

Вниз головой виси, держась за тонкий сук,
пролиставая жизнь, вари осенний суп.
Добавь ещё огня, чуть сердце надорви,
подбрось щепотку снов и пригоршню любви.

Помешивай раз в час, поглядывай в окно,
как будто бы тебе немного всё равно,
что выйдет погода, на что похожий вкус.
Шепни «мерси боку» и «крибле-крабле-бумс».

Колдуй наверняка, чтоб каждый встречный мог
сказать, что суп хорош, что он всему итог.
Что ты варила так, никто как не умел —
вниз головой внутри молчанья и омел.

18+

если накатит грусть северная тоска
встань на крыльцо один под полуночный скат
выйди за дверь за дом что-нибудь покури
айкоса стружки дыма пластиковые внутри

и помяни стрекоз бабочек и вообще
всех кто бронзовокрыл бьётся в твоей душе
терпкие облака радужные следы
выдохни и вдохни голубоватый дым

Птицы чёрные

посмотри наверх потрудись запрокинь голову
там вчерашний день на спинах выносят вороны
там такая дымка мне тошно такая даль
беспросветно и व्यужно тянется тот февраль

ничего не страшно было до боли молоды
сердце не игрушка а раскололи мы
отчего же всё ещё сил нет дышать
посмотри наверх сделай первый шаг

там плывут по небу корабли прошлого
ты такой же хороший мой невозможный мой
говорила выживу проморгала смерть
запрокину голову досмотреть

как летят улетают наших дней вороны
птицы беспокойные
птицы чёрные

А ты взял бы и приехал однажды, бро.
Просто так, будто вышел в ночь и пропал,
ненадолго. Буду самым глупым твоим ребром...
Я примчусь заранее на вокзал.

Встречу так, как будто прошло лет сто,
ожидание — липкий полночный мрак.
Этим летом ждал дождя водосток,
даже он не представляет себе, как.

Вспомним всех, кого можно легко забыть,
и поржём до слёз в компании с фонарём.
В магазин зайдём — забудем вино купить,
развернёмся и снова туда пойдём.

Приезжай — когда-нибудь, налегке,
из Сургута или заморских стран.
Чтобы птицы в своём безоблачном высоке
нам завидовали, нам завидовали, нам.

Только и помню

Только и помню — кличет ольха беду,
тени за шторой, сумерки нарастают.
Только и боли — ветер свечу задул,
только и страха — звёздная волчья стая.

Так и жила со звёздочкой в кулаке,
нежно сжимая, не уколоться чтобы.
Память уносит лишнее по реке —
годы.

Я ещё я, вторая стою в ряду
воспоминаний на жёлтом, истлевшем фото.
Что это было? Мухи летят в саду,
и не прервать их тающего полёта.

Кто говорит о смерти перед сном,
ныряя с головой под одеяло?
Как это будет? Ночью или днём?
Как будто в гору шла и вдруг устала?

Как, из меня возникнув, прорастёт
по всем законам физики печали
такая пустота, что ё-моё,
как будто дома нет, а постучали.

И, в общем, будет незачем жалеть,
что небо курит ту же самокрутку,
что тот же колыхающийся свет
стекает вниз на людную маршrutку.

Так и уснёшь, не зная, что потом,
свернувшись с краю, будто места мало.
Пусть всё проходит, пусть проходит, но
пусть повторится как-нибудь сначала.

Человек. Перрон. Птицы

чемодан перспектива перрон
человек не уехал пока
тает небо на радужках крон
караваны идут облака

человек ещё жив и здоров
он берёт бутерброд и коньяк
в привокзальном кафе за порог
он выходит курить не взятыг

сколько жизни ещё про запас
сколько ветра попутного впрок
бросить всё и уехать сейчас
паровоз серебрится гудок

человек не уходит в запой
ему в общем и тут зашибись
курит долго одну за одной
и шугает слетевшихся птиц

на честном слове на игле еловой
на тонкой нити первого луча
жизнь собирается
из ничего по новой
пролесками меж соснами бренча

они свечение картинно преломляют
в бездонный синий будто бы шутя
на стебельках коротких отражая
всё небо в сизых капельках дождя

геройски воскресает в раме муха
какая жизнь гляди-ка лапки нега страсть

весне респект скажу
пролескам уважуха
и мухе пожелаю не пропасть

На полпути

Как странен дождь на полпути зимы.
Вот плащ промок до шёлковой подкладки.
Волнение птиц. И с краешка волны
берёзы тощей мертвенная складка.
Берёшь в прихожей зонт — выходишь без,
ничем не нужным рук не утруждая.
Для птиц ты — человек и волнорез,
стоишь, как пень, от вечера до мая.
И дождь проходит сквозь тебя, как сон,
и сон в тебя втекает постепенно,
а ты не сводишь глаз с колючих крон,
себя забыв, дурак обыкновенный.

Несёшься вдаль,
и даль в тебя втекает
лесной опушкой, пылью, птичьим граем.
Далёких фар сливающийся свет
на встречной и невстречной полосе.

Подпрыгивает сердце — дело в кочках
и в судьбоносных выверенных строчках.
Окно открыть, махать руками птицам,
листать шоссе страницу за страницей.

Гудит машин рычащее конральто
над стелющимся чувственным асфальтом.
До горизонта ехать — до луны,
хрипит мотор, трепещет в поле сныть.

Мне лето позвонит издалека —
из той несбывшейся особенной печали,
где жук травинку длинную качает
и смотрит вниз, как будто с потолка.

Мне лето позвонит наверняка.
Ты это слышишь тоже? Лето ближе.
О всех пропавших в небе говори же.
Ты про кого? А я про облака.

Про свойство памяти — начать опять с конца.
Всё было так, а может быть, иначе.
Ах, сколько лет прошло? Звонит и плачет.
И жук висит для красного словца.

Кто там

проснись ты грибник на природе
с лукошком в осенней тиши
осина стоит на проходе
подвинься осине скажи

шурши себе в преющих листьях
как будто тебе всё равно
кто там впереди затаился
и кто уцелел за спиной

в хрустающем воздухе гладком
иди ни о чём не тужи
грибы твои в полном порядке
и целы твои миражи

смотри меж осин в голубое
как будто тебя не нашли
и всё твоё братство грибное
столпилось у кромки души

Куда уходит время? В седину?
Юля, 3 класс

Куда уходит время? В седину?
Неспешно ковьяляя, между прочим
уходит время — я за ним иду
и занимаю место между точек,

где воздух, брешь, зазубренная щель,
где всё ещё есть место для манёвра.
Где, не мигая, большеглазый щен
глядит мне в душу с болью непритворной.

Где что ни день — то слава и закат,
и всё, что было трепетно искомым:
любовь, разлука, в лужах облака —
всё сложится в одну дорогу к дому.

Там каждый куст, что встречен на пути,
цветёт сиренью празднично и влажно.
И соловей на дереве свистит
о самом важном.

Уместились

Тесное небо — смотри, не вместились птицы
и на деревья ссыпались доживать.
Май крутолоб, курчав, и ему что-то снится —
то, что никто не осмелится рассказать.

Тесное время — столько забытых песен,
столько пропавших слов, облетевших зря.
Прошлого снега мне две снежинки взвесьте —
буду хранить до нового декабря.

Тесное слово — читай, разбирай по буквам,
рассматривай издали, хмурь в напряженье бровь.
Но мы (во весь рост), города, облака, маршрутки —
вдруг уместились и выжили в слове «любовь».